

Ленинград
Машин. драм. театр

Ленинградская правда

11 февраля 1989 года • № 36 [22478] • 3

ПО ПРАВУ ДУШИ И ПАМЯТИ

Этот литературный вечер-спектакль подготовили Валерий Галамидов и Лео Дедин, оформил Алексей Порай-Кошиц

НА сцене — полукруглая, светлая раковина, эстрада с Юрием Клобуком. Напоминание о тельниках вчераш, столь популярным и любимым в прошедшие годы. В дощатом полукаруге — множество дверей. Закрыты. Их, словно разрушая опостылевшие барьеры, будут во очереди распахивать артисты, являясь за тайными дверцами проема, как из глубин времени, чтобы вернуть людям высокое слово, ответственность поэзии и прозы. Прекрасной русской литературы, десятилетиями скрывавшей от народа, само чтение которой еще вчера было удовольствием.

Тут предстают недовольные до издательской поры произведений писателей и поэтов, чьи судьбы так трагичны, чьи тексты, как и до сих пор, печально жестокого исторического времени. Театр, прикасаясь к огромному пласту культуры, обнаруживает истинно подавленное, угнетенное, но не прекратившее движение духовного процесса, бесстрашной поэтической мысли. Благоговая, чья порушительная, казалась бы, связь традиций, традиций борьбы с тиранией, с насилием, в

которой художники равно или молчаливо, а зачастую только после смерти оказываются победителями, утверждают молодое, но получившее мировое признание искусство Малого драматического театра, возглавляемого Л. Дединым.

Словно передавая эстафету прайдам, гисаного протеста, страданий, они будут снимать друг друга на сценической площадке. И каждый уйдет остом через ряды зрителей, переполняющих зал, приобщая их к этим святым и вечным чувствам. Необычайную сложность своей задачи, гражданскую и нравственную ответственность участники спектакля ощущают в полной мере. Иным, правда, еще мешает проявиться в неповторимый духовный мир художника вполне объяснимое волнение. Ведь спектакль

еще только начинает жить. Но уже сейчас разительно отличается от зрелища в зрительном зале, отчетливо движенье внутреннего сюжета.

От Николая Гумилева, расстрелянного в 1921 году, он представляет стихотворения «Шестое чувство» — о немзыбной загадке и власти чувств прекрасного, и «Рабочий» — правдыское прозрение собственной участи (и — не только своей, к прискорбю) — их е откровенным страстным темпераментом читает П. Симак, до нашего современника Иосифа Бродского, который был изгнан тупица немуждами из Отечества, и ныне вазиская мировую славу. Жесткую горечь его «Пятой годовщины» дают ощутить в своем дуэтом исполнении С. Власов и В. Захарьев. Как тревожное предупрежде-

ние, пророчество грядущего холодея прозвучит в начале вечера стиха Иосифа Бродского, которые читает И. Иванов.

Индивидуальность каждого артиста раскрывается в спектакле с разной мерой приближенности к творческой природе автора. Огненным из «Фехме» Алены Ахметовой, суровое, исполненное муки и «величественного презрения» свидетельство безвинных страданий женщины, прострадавших месяцами у тюремных входов, И. Селезнева передает, как исповедь трагической, омытой слезами юной души. С отчаянием, на грани срыва читает Н. Фоменко стиха Ольги Берггольц, в которых дышит неострашимый, тошнотливый страх обложившего сыска человека.

Историю же безвестной Ма-

жары из повести Василия Гроссмана «Вое течет...», молодой, интеллигентной женщины, филолога, в прошлом сестры жены и матери, прошедшей все ступени лагерного ада и освободившейся только в смерти, Т. Шестакова рассказывает без тени надрыва, тонко и недоумением, даже просветленно, просто — как бы уже передавая грань мысленных человеческих страданий. Но от этой просветленной простоты леденит кровь и сердце зрелища.

Говоря о безвинных муках и унижениях тех, кто больше всего нуждается в любви и защите, женщин, матерей, жен, сестер, театр называет главною виновника...

Размывая отточенность мыслей Осипа Мандельштама, уничто-

жившую дронно его стихотворения-приговора «Кремлевскому горю» претворил Л. Дитятковский — это одна из лучших исполнительских работ вечера.

Острейшие конфликты и лиха времени представлены театром в разных ипостасях. Особое место занимают тут стиха Владимира Набокова и Владимира Ходасевича, эмигранты, связанные внутренне при всей несхожести судеб и восприятия бытия неотступной тоской по России. Их читает С. Куршес и М. Морозов, давая ощутить изысканную ясность и красоту стихотворной формы, глубиную ностальгическую чувств.

Как некая разрядка трагического напряжения спектакля воспринимается в исполнении И. Сидора отрывки из «Собаке-

го сердца» Михаила Булгакова. Но лукавый мир интонаций артиста подчеркивает драматическую абсурдность ситуативной булгаковской повести, порождающую переломным временем, который

Слово Александра Твардовского — поэта, борца, ирруинейшего литературного деятеля — звучит в спектакле как голос возмущенной совести. Совести времени. Отрывки из его поэмы «По праву памяти», где омыслились судьбы народа, которого пытался, лишив родных корней, человеческих нравственных основ и связей, читать М. Самохин, открывая второе отделение вечера. Эти мотивы неминуемо отзовется в прозе Анатолія Платонова. Озарение — не побойсь сказать так о С. Бехтерева, читающего в «Котловане». Здесь все от Платонова. Аскетический облик артиста. Взагляд, в котором чистота, боль и вопрошание. Обезоруживающая наивность интонаций речи, с ее страшными неправдальностями, которые не делают ощущение единства бытия и сознания человека и исторического катаклизма. Человека, не утратившего чело-

вечности в бесчеловечных обстоятельствах.

Спектакль завершают стихи Бориса Пастернака «Металлический и «Телефонный сад». В исполнении Г. Коваль и В. Ослепуха прежде всего ошущим лиризм этих замечательных стихов. Ошущим и философский, обобщающий смысл, вечные темы: испустильной жертвы и добра, предательства и покаяния, как бы подавление итог трагических раздумий и чувств, с которыми театр поделился со зрителями в этот вечер.

Молодые артисты, прошедшие школу спектаклей Льва Долина с их яростным неприятием зла и утверждением правды и истинности, восполняющим эмоциональным накалом и углубленным психологизмом, обратились здесь к сложнейшему искусству, художественного слова. Чтобы сегодня, когда к нам возвращаются бесценные страницы русской поэзии и прозы, откликнуться на лудовый призыв времени.

Н. РАБИННА